

П/А В главе присутствуют небольшие заимствования в эротической сцене. Спасибо Г-же Грей!

Тьма, у мальчика были такие изящные ноги, в меру мускулистые и с точеными изящными коленями, сейчас оказавшимися, можно сказать, прямо перед носом Вэйла. Осталось только развести их в стороны, закинуть на плечи, открывая доступ самым интимным местам. В висках жарко и тяжело стучало. Подобная фантазия была частой последнее время.

Кобэйн вынужден был признаться самому себе, что каждая часть фигуры Шуарра вызывает в нем отчетливый сексуальный отклик. Не исключено, что это вино с секретной добавкой вызвало такое усиление реакции, обычно он был куда сдержаннее с Шушу.

Шуарр тем временем чуть нахмурился и высвободился из сжимавших его рук, толкая мужчину от себя. Тот не удержав равновесия, рухнул в кресло, из которого только что встал, огромное устойчивое кресло. Его любимое. Вид с этого места был ничуть не хуже. Свет из окна мягко окружал всю фигуру юноши ореолом, просвечивая через тонкие ткани домашней одежды. Мальчишка стоял, немного расставив ноги и уперев руки в бока. Прическа сбилась на бок и несколько прядей свисало на лицо. Он их нетерпеливо сдувал.

— Иди ко мне, Шушу - мягко рыкнул Вэйл

Не вставая с кресла, мужчина протянул руку и рывком усадил Шушу лицом к себе на колени, освобождая от одежды самым простым способом: разрывая ее. Осталась лишь тонкая нижняя туника.

— Тебе кто-нибудь говорил, как ты соблазнителен? Придворные, например? Или министры? - юноша едва не рассмеялся, отбрасывая обрывки небрежно в сторону.

Сила Кобэйна его всегда поражала. Когда ему что-то было надо, он мог пройти напролом, казалось, даже сквозь скальную породу. По крайней мере, Шуарр бы такому не удивился. Адмирал был весьма... прямолинеен порой. Его самым дипломатичным качеством была выдержка. Когда он понимал, что говорить не надо, он просто молчал. Поэтому на совещаниях министры порой его молчания боялись больше, чем слов.

В отношении юной императрицы придворные боялись не то что рот открыть при лорде-регенте, а даже взглянуть в ее сторону, если по долгу та присутствовала. Те, кто заходил на территорию Советника, долго не жили. Все это знали прекрасно, еще с тех времен, как Шушу стал привлекать естественное внимание окружающих, входя в подростковый возраст. Мало того, что он был хорош собой внешне, так его еще и все девушкой считали! Которые на сегодняшний день были редкостью и невероятной ценностью. Во времена чумы те, кто осмеливался одарить Шушу своим знаком внимания или комплиментом, исчезали на другой же день. Что делать... от чумы никто не застрахован. Потихоньку Адмирала именовали «Чумовым штормом» в кулуарах канцелярии и не только. Да еще и его легендарная смелость и неуязвимость для болезни, ведь он посещал часто зачумленные кварталы и даже плакальщики на него не бросались... боялись, что ли... К счастью он сам об этих слухах не знал. Иначе бы канцелярию еще не так заштормило.

Вэйл подвел руку под крепкие маленькие ягодицы Шушу. Широкие ладони идеально легли на полушария. Приподняв под попку юношу, он забрал в рот сосок и начал ласково его терзать прямо сквозь тонкую ткань нижней туники.

— Никто мне ничего не говорил, — выгнулся в его руках Шушу, — но я это и сам знаю по тому, как смотрят на меня некоторые мужчины... Ты ведь тоже на меня смотришь...-тут же поправился он.

— Ну а «некоторые мужчины» что говорят? - Вэйл уже прикидывал, что стоит нанять из гильдии убийц наблюдателей с определенными полномочиями, пусть «проследят» за всеми этими «взглядами»

— Я не общался никогда с «некоторыми мужчинами», если ты это хочешь узнать... - это было истинной правдой, все встречи с посторонними проходили только в присутствии лорда. Если лорд отсутствовал, Шуарр не покидал свои покои, охраняемые как личной гвардией, так и жрецами.

— Значит, твой сексуальный опыт до сих пор ограничивался лишь мной... Ай-ай, какое упущение... Императрица вправе выбирать себе фаворитов, — бросил он с иронией. - Это закон и традиция.

После чего подул на влажную ткань, контраст горячей раздраженной лаской кожи и холодной влажной ткани был разителен и Шуарр выдохнул, он посмотрел прямо в глаза своему «хранителю»

— Я всегда хотел тебя так сильно, что, как видишь, ожидал только тебя, не смея даже сам себя касаться в твое отсутствие, а теперь голый сижу у тебя на коленях и жду, когда ты меня трахнешь. Ты же в это время развиваешь какие-то странные темы... Пожалуй, мне лучше пойти спать!

Он попытался встать, но Кобэйн силой удержал его — мгновенно сработала вековая расчетливость имперской породы. Момент был более чем благоприятный.

— Прости меня, маленький... — забормотал нежно он в самое ухо юноше, — ты такой красивый, желанный, а я сижу и несу какую-то чушь! Я ведь обычный солдафон, не знающий слов любви... Ну не сердись... успокойся... Я дрожу от возбуждения, мне нет никакого дела до всех остальных, кто пускает на тебя слюни! - «Но я непременно это выясню» - Здесь только ты и я... Ты устроил мне настоящий праздник, когда не стал возражать моим... планам...дозволил раздеться, - Шушу поднял глаза к потолку, как вроде его кто-то спрашивал! Он прекрасно знал, что если уж лорд Кобэйн пошел в атаку, его остановит только... да ничто его не остановит! Будет переть до конца! - Я даже боюсь опозориться... Обними меня, Шушу. Ведь ты хочешь меня, скажи, хочешь?

Вместо ответа Шуарр, мудро вздохнув, обнял его за шею. Вэйл тут же воспользовался этим, пропустив руку между его раздвинутых ягодиц, он вошел пальцем вглубь; другая рука опять поднялась, пощипывая уже очень чувствительные припухшие соски.

— Сейчас я выпрошу у тебя прощение. — Его руки действовали казалось сами по себе, нежно и настойчиво, сверху и снизу. Закрыв глаза, Шушу тихо застонал, роняя голову на плечо Кобэйну, конечно, раньше дядя позволял себе некоторые вольности, но никогда не заходил так далеко.

Сейчас же все было просто неприлично, но невероятно возбуждающе. Он уже много о таком тайком читал. Находя разные довольно фривольные книжицы среди почтовых бумаг и рекламных проспектов. Правда было непонятно, как они попадают в столь проверяемую императорскую личную почту, подлежащую доскональному и всестороннему изучению,

кстати, и лордом регентом тоже. Но ведь реклама она всепроникающая, не так ли? О природе своих маленьких находок Шушу никогда не задумывался. Наиболее полюбившиеся выпуски прописались под его периной, откуда их никто не извлекал даже при перестилании кровати. Юный император любил немного ... помечтать, читая эти брошюры или разглядывая довольно неприличные картинки.

Ноги его раздвинулись шире, спина прогнулась, позволяя больший доступ пальцам мужчины, сам того не замечая, он начал подмахивать движениям внутри себя, с риском соскользнуть с колен Вэйла. Кобэйн самодовольно улыбнулся, вводя третий и четвертый пальцы в расслабленное отверстие. Определенно, мальчишка давно созрел. И чего он, правда, тянул? Подхватив Шушу одной рукой под спину, он негромко и удовлетворенно засмеялся, прищелкнув языком.

— Мне очень нравится твоя реакция, малыш... Но, пожалуйста, не отдаляйся от меня, а то ты можешь упасть, да и мне до груди не дотянуться... Вот так, мой маленький, вот так... Как твердеют и наливаются твои соски, а внизу уже ты давно готов меня принять, всего и сразу... Какой ты податливый, какой страстный... Нупусти меня еще поглубже...расслабься, вот умница... Скажи, что простил меня, что очень сильно хочешь, чтобы я уже насадил тебя на свой член...

Вместо ответа Шушу скользнул руками туда, где ощущалась немалая мужественность Вэйла, затем, проникнув рукой под достаточно свободные домашние одежды, оттянул мягкие штаны вниз и со стоном выпустил мощный, пружинящий член, неуверенно пройдясь пальцами по его ребристому рельефу. Губы сами округлились буквой «О».

— О-о... — наконец выдохнул он, оценив размеры, и с предвкушающим стоном выгреб из брюк остальное. Запустив между ними свои руки, он начал его ласкать, поглаживая кончиками пальцев и взвешивая ладонями крупные налитые яйца. Вэйл, запрокинув голову, закрыл глаза, предоставляя ему полную инициативу, продолжая между делом проникать ритмично вглубь податливого отверстия пальцами. Он знал, что подобная податливость - результат модификации, внедрения симбионта, меняющего структуру нижних отделов кишечника под новые требования и нужды. Сайтэ в сущности были третьим полом, от них, как от мужчин, никто уже зачать не мог после модификации. Новый гормональный фон делал их в этом смысле стерильными. Он помнил, что велись долгие споры. Стоит ли им оставлять член. Но потом было решено, что все же и так психологическая травма при модификации велика. Поэтому всеми средствами он обязан был пробудить способность к зачатию. Шушу мелко подрагивал и вздыхал от удовольствия, когда он задевал внутри пальцами складки пока закрытого прохода в маточную полость, или простату, оставшуюся на своем месте, в качестве дополнительно стимулятора удовольствия.

Через некоторое время он заставил себя отвлечься от столь приятного времяпрепровождения

— Малыш, я больше не выдержу... -выдохнул он.- Еще немного, и я не смогу даже довести тебя до постели! Идем ...таким стоит заниматься в большем комфорте.

Уложив Шушу на широкую кровать, он сам торопливо сорвал с себя одежду.

— Раздвинь ножки, моя императрица, я хочу тебя! - Шушу с готовностью рассмеялся и последовал просьбе. Все же имперский этикет...он впитывается кровью.

За ночь, что они провели в постели, Вэйл понял, что его Шушу обладал необузданным темпераментом и с влекущей покорностью подчинялся ему в любовной игре. Первый раз он

овладел им глядя в глаза и наблюдая как у того туманится взгляд, он не входил на всю длину помня об узле и своих габаритах, юноша, пусть и модификант, должен был под это подстроиться, Но он двигался неистово и неумолимо, пока не излился обильно в глубины; потом вошел со спины, поставив Шушу на локти и заставив откровенно прогнуться; в таком положении у него было больше свободы и легче было задавать то бешенный темп, то замирать и медленно погружаться в разработанное отверстие, заставляя юношу кричать от вожделения и страсти; потом продолжил, посадив его в позу наездника на свои колени и помогал скакать тому на своем члене с той ритмичностью, которой он сам хотел ; напоследок он уложил уже уставшего Шушу на бок подняв ему ногу и наконец позволил наступить сцепке, войдя в заветный канал, сжавший его головку в мышечной петле, Это было достойным завершением ночи. Они все еще содрогались в сладких судорогах, когда розовые лучи солнца окрасили облака на небосклоне. Только тогда Вэйл позволил Шуарру, все еще вздрагивающему от остаточного удовольствия, уйти в сон... Сам он заботливо подоткнул мягкое покрывало, и мысленно дал себе установку встать через четыре часа, дабы сделать распоряжения об изысканном завтраке и ароматной ванне

-oOo-

После этой ночи их отношения приобрели определенно иной эротический оттенок. Что всеми тут же было замечено, но никто не осмелился даже намекнуть на подобное развитие событий. Все в императорском окружении усиленно делали вид, что все идет как обычно. Но многие с облегчением отметили, что Советник стал куда мягче. Порой даже допускал шутки в своем присутствии и сам им посмеивался. Вэйл подозревал, что Шуарр стремился наверстать все свои ночи мечтаний, провоцируя Вэйла на весьма смелые эксперименты. И порой откровенно его лаская, пусть и тайно, но в весьма публичных местах.

Диван в ложе, наконец, был использован по назначению. Наградив обоих крайне острыми эротическими переживаниями, пожалуй это место стало у ненасытного юноши едва ли не любимым, правда он теперь совершенно не интересовался происходящим на сцениуме, да и до того ли, если тебя имеют с такой интенсивностью, что едва ложа не дрожит. В народе стали поговаривать с надеждой, что, похоже, скоро последует объявление о грядущем рождении наследницы или наследника. И делались ставки, когда это произойдет.

Когда Кобейн банально уснул во время совещания министров, все поняли, что сие не за горами. Совещание продолжили, но шепотом, похихикивая над «притомившимся штормом, перешедшим в штиль»

Особую остроту их отношениям как раз придавало то, что как-никак Шуарр был императрицей. Теперь порой именно он диктовал, где и когда они займутся любовью, навязывая свои условия в плотном расписании придворной жизни. Это обстоятельство держало Кобэйна в постоянном напряжении и возбуждении, но отказаться от подобного он уже был не в силах, а самое главное, совершенно не хотел, воплощая порой самые низменные и рискованные свои фантазии в реальность. Демон на их встречах подобное только одобрял и посмеивался. Он тоже свое не упускал. И наконец, испытал сцепку в полете.

В самые ответственные моменты на совещании или во время выступления перед толпой, перед глазами Советника вдруг возникала новая, не испытанная еще любовная позиция или эротическая картинка из «пройденного», и его плоть немедленно вставала, как часовой на посту, по стойке «смирно». В такие минуты ему приходилось особенно трудно; не имея возможности помочь себе, он только одергивал плащ жреца или удлиненный мундир Советника, которые носил теперь постоянно, от гвардейского и адмиральского коротких мундиров, как и от лосин пришлось отказаться... Подобное не вызывало смущения, только

раздражение, что не удастся воплотить желаемое немедленно. Лукавый взгляд юного венценосного любовника тут же подтверждал, что данная ситуация не осталась им незамеченной.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/2366/67002>